

и энеолитических культур шло не одинаковыми темпами по сравнению с Восточным Средиземноморьем и Передней Азией. Предположив низкий уровень производительных сил у местного населения Среднего Поднепровья, С. Н. Бибилов считает возможным видеть у охотничьих племен матриархально-родовой строй. Пришлые же племена стояли, по его мнению, на значительно более высоком хозяйственном и культурном уровне развития.

По мнению автора, «... под влиянием сильного воздействия культуры пришлых племен, матриархально-родовой строй охотничьих племен в конечном счете распался, как и сама экономическая организация общества, уступив место патриархально-родовым отношениям, строящимся на иных экономических началах — земледелии и скотоводстве» (стр. 286). И далее: «Переход охотничьего хозяйства местных племен в земледельческо-скотоводческое происходил, видимо, в достаточно быстрых темпах, так как выдержал активное влияние более прогрессивных производительных сил на более отсталые формы производства» (стр. 286). Таким образом, процесс перехода от матриархально-родового строя к патриархальному представляется С. Н. Бибилову результатом столкновения двух различных экономических укладов: «...произошло как бы столкновение двух различных по своему качеству экономических укладов — прогрессивного, производящего хозяйства, с отсталым, во многом еще присвояющим хозяйством. Это обстоятельство привело к победе первого над вторым, к утере самобытного облика культуры местными племенами» (стр. 279).

Таковы вкратце общие положения, на основе которых С. Н. Бибилов по-новому решает проблему происхождения трипольской культуры и вопрос о социальном строе трипольского общества.

Общая концепция С. Н. Бибилова мне представляется слишком схематичной, не подтвержденной в достаточной степени археологическими фактами, не отражающей конкретного пути происхождения трипольской культуры, не раскрывающей на основе археологических данных подлинного характера социального строя раннетрипольского общества. Большая книга С. Н. Бибилова остается преимущественно монографией, публикующей новые археологические материалы.

Т. С. Пассек

М. О. КОСВЕН, Очерки истории первобытной культуры, М., 1953, 215 стр., тираж 5000 экз., цена 5 руб.

Книга крупного специалиста-этнографа М. О. Косвена, изданная в популярной серии АН СССР, представляет собой попытку изложить, преимущественно на этнографическом и отчасти на археологическом материале, историю культурного развития человеческого общества с момента его возникновения до образования первых классовых государств.

Автор поставил своей целью дать всеобъемлющую схему, своего рода типологическую серию элементов мировой культуры на раннем этапе ее развития. В этом заключаются как положительная, так и отрицательная стороны этой книги. По своей конструкции книга М. О. Косвена очень близка подобным очеркам по истории культуры, многочисленным как в русской, так и иностранной литературе. Положительной стороной такого рода работ является то, что авторы их имеют возможность использовать в качестве живой иллюстрации истории культуры богатейший ассортимент этнографических наблюдений, что делает изложение занимательным и легко запоминающимся. Это, конечно, очень важно для книги, рассчитанной на широкий круг читателей. Такой метод позволяет также использовать разнообразный иллюстративный материал, еще более усиливающий доходчивость текста, чем, к сожалению, автор не воспользовался.

Достоинство таких книг определяется тремя моментами: подбором этнографических и археологических фактов, использованием этих фактов в соответствии с марксист-

ским учением о развитии общества и, наконец, полнотой охвата соответствующей проблемы.

Фактический материал за редкими исключениями отобран М. О. Косвеню с большим знанием предмета и очень тщательно: из колоссального этнографического архива автор берет только те примеры, которые характеризуют культуру общества на той ступени развития, о которой идет речь в соответствующей главе, используя, впрочем, также и пережиточные явления. В основу изложения истории мировой культуры, за исключением некоторых мест, положена единственно научная марксистская методология. Отдельные культурные явления освещены в связи с внутренним развитием общества, уровнем развития производительных сил и сложившихся на основе их производственных отношений. Что же касается полноты охвата проблемы, то книга М. О. Косвена дает читателям представление о самых разнообразных сторонах жизни и быта при первобытно-общинном строе, хотя в его описаниях и имеются некоторые существенные пробелы, которые следовало бы заполнить при последующем издании книги. Опираясь на этнографические наблюдения, М. О. Косвен подробно описывает как вопросы, связанные с возникновением рода, дуальной организации, матриархатом и патриархатом, различные типы первичного земледелия, так и свадебные обычаи, состояние первобытной медицины, формы одежды, головных уборов, обуви, «застольные» обычаи, «вкусовые вещества» и первобытную кухню. Археологический материал на большинство этих вопросов не содержит ответов и в лучшем случае дает только отрывочные сведения. Поэтому этнографические источники позволяют автору представить историю первобытного общества более живо и конкретно, чем, если бы он строил ее преимущественно на археологическом материале. Так, отсутствие этнографического материала для освещения палеолита обусловило менее занимательный характер первых глав книги.

Вместе с тем первые главы являются наиболее ценными и интересными в историческом отношении. Начиная же с IV главы и до конца книги, что составляет три четверти ее объема, в ней преобладают описания, почти целиком основанные на этнографических наблюдениях, вследствие чего исчезает хронологическая основа истории. Иногда автор приводит пример только из жизни современных или недавно существовавших племен (например, тасманийцев — стр. 35, 140, 161). В других случаях он лишь глухо отмечает, что приведенные факты относятся к «скотоводам Африки» (стр. 70), населению «древнейшего Китая» (стр. 87), «полинезийцам и неграм» (стр. 97) и т. п. Нередко — особенно в девятой главе — процесс исторического развития излагается без ссылки на конкретные проявления его в этнографии или археологии, и читатель принужден верить автору на слово. Такая система, хотя почти и неизбежная в популярной книге, тем не менее несколько дезориентирует читателя. Впрочем, иногда автор старается подтвердить свое заключение ссылкой на археологические факты.

Мне представляется неправильным тезис М. О. Косвена о необходимости для представления во всей широте истории развития первобытной культуры «соединить существующие данные не только по различным племенам и народностям, но и по различным странам мира» (стр. 10). Энгельс отмечал, что с наступлением «варварства» «...приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков». «...Население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межевые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий»¹. Конечный этап развития первобытно-общинного строя в Европе Энгельс, как известно, рассматривает отдельно по племенам (греки, римляне, германцы). Отступление от этого единственно научного метода исторического исследования приводит к чрезмерной схематизации истории, что составляет один из крупнейших недостатков рецензируемой книги.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ГИИЛ, 1950, стр. 22 сл.

Отчасти вследствие этого представляются весьма спорными некоторые утверждения автора. Так, например, против его заявления, что «мелкие домашние животные были одомашнены раньше крупных» (стр. 74), можно указать, что в Западной Европе, покрытой первобытными девственными лесами, первыми одомашненными животными были лесные — бык и свинья, в противоположность нашим южным степям или безлесной Брегани, где, действительно, мелкий рогатый скот, повидимому, предшествовал крупному. К тому же вопрос о месте происхождения домашних животных является дискуссионным. Поэтому не следовало столь категорично в популярной книге называть «очаги происхождения» коровы, осла, верблюда и т. д. (стр. 74). Неправильно также относить возникновение коневодства в Месопотамии (стр. 179), так как на древнем Востоке лошадь появляется только в середине II тысячелетия до н. э.

Едва ли можно так решительно утверждать, как это делает М. О. Косвен (стр. 114), что классики марксизма и в частности Энгельс считали матриархат и патриархат двумя последовательными «универсально историческими» формами организации родового общества. Энгельс называл патриархальную форму семьи лишь «переходной», «промежуточной» между парной семьей и моногамной, а существование ее доказанным во всяком случае для культурных народов Старого Света, для арийцев и семитов¹. В противоположность Энгельсу, автор выступает с утверждением, что причиной перехода к патриархату явилось «... развитие производительных сил вообще, независимо от тех или иных отраслей производственной деятельности» и что патриархат «относительно не был связан только со скотоводством, как это утверждают некоторые авторы» (стр. 116). Для того чтобы доказать, что такой переход совершается и с т о р и ч е с к и всегда, когда «менялось соотношение полов в производстве и преобладающее значение в нем приобретал мужчина» (к чему сводятся доказательства М. О. Косвена), надо показать, что такое положение возможно при развитии охотническо-рыболовческого хозяйства без косвенных воздействий, как, например, влияния технических усовершенствований позднего времени, сложения рынка, воздействия более развитых народов. М. О. Косвен считает, что знакомые истории обширные передвижения кочевых скотоводческих племен не получили удовлетворительного толкования в исторической науке (стр. 201). Однако более ста лет тому назад Маркс в статье «Вынужденная эмиграция» указал причины этого явления.²

Помимо этого, необходимо сделать несколько более мелких замечаний. Неверно, что кости домашней собаки обнаружены только в слоях Азильской эпохи (стр. 40). Кости домашней собаки были найдены и в палеолитическом слое стоянки Афонта Гора. Едва ли можно согласиться с автором в том, что единственной причиной уничтожения первобытных лесов была подсечно-огневая система (стр. 78). Не меньшее значение имело также уничтожение молодых побегов скотом при упрочении оседлости. Нельзя согласиться и с тем, что «настоящая варка с кипячением воды на огне возникает лишь с изобретением глиняной посуды» (стр. 92). Она возможна даже в берестяных, наскоро сделанных сосудах. Ошибочно мнение, что деревянная ступа может служить для растирания «хлебного зерна» (стр. 94). Такая операция была бы слишком трудоемкой, почему повсеместно в древности пользовались для растирания хлебных зерен зернотерками. Неправильно указание, что на юге Европы бронзовый век длился только до начала II тысячелетия до н. э. (стр. 171). Он кончился там тысячелетием позднее. Точно так же ошибочно утверждение об «интенсивном внедрении удобрений» в земледелие уже в условиях первобытно-общинного строя (стр. 178).

Следует пожелать, чтобы при новом издании книги большее количество примеров было взято из археологии и этнографии народов СССР. Так, бумеранг был известен не только дравидским племенам Индии, древним египтянам и древним германцам (стр. 50), но и древнему населению Среднего Зауралья в начале II тысячелетия до н. э., судя по находке Д. Н. Эдингом такого типа оружия в Горбуповском торфянике. Круглая скульптура из дерева была широко распространена не только у негров

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., стр. 57 сл.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Об Англии, М., 1952, стр. 333.

Юго-Западной Африки, полинезийцев, индейцев Северо-Западной Америки, тлинкитов и др. Многочисленные находки круглой деревянной, костяной и каменной скульптуры известны из многих неолитических стоянок и могильников в СССР: Горбуновский торфяник, Олений остров, Сарнатэ, стоянки Прибайкалья и др. Вообще следует отметить, что отечественные археологические и этнографические факты и наблюдения использованы М. О. Косвеном в своей книге совершенно недостаточно.

Надо надеяться, что автор в последующем издании этой книги введет в нее необходимые поправки и дополнения, а также снабдит ее иллюстрациями, которые особенно желательны в книге популярного характера.

А. Брюсов

*

За последнее время в советской науке о первобытном обществе назрел значительный круг вопросов, требующих пересмотра, развития или уточнения на основе вновь накопленного обширного фактического материала. Между тем в последние годы в нашей литературе наблюдался недостаток внимания к вопросам первобытной истории. Археологи сделали ряд новых открытий, добыли большой и интересный материал, однако мало сделали для разработки общей проблематики истории первобытного общества. Этнографы, правильно выдвинув на первый план наиболее актуальную тематику современности, перестали уделять должное внимание «традиционному» для этнографии кругу проблем первобытно-общинного строя. Недостаточно развевывалась работа по разоблачению реакционной буржуазной науки и борьба против антимарксистских, в частности марристских, извращений в области первобытной истории.

Советский читатель, студенчество, работники школ, музеев и т. п. давно не имеют надежного общего руководства по истории первобытного общества. Одни из таких руководств безнадежно устарели, другие, как учебник В. И. Равдоникаса, оказались неудовлетворительными уже в самый момент своего появления.

Вот почему выход в свет рецензируемой книги — обобщающего научно-популярного труда по истории первобытной культуры — является заметным событием в области науки о первобытном обществе и смежных исторических дисциплин — этнографии и археологии.

«Очерки истории первобытной культуры» М. О. Косвена охватывают широкий круг вопросов, начиная временем становления человека и кончая периодом разложения первобытно-общинного строя и возникновения классовых обществ. В книге в достаточной мере подробно сообщаются основные сведения по антропогенезу, развитию первобытного производства и общества, материальной и духовной культуры. Большим достоинством книги является то, что эти сведения органически связаны между собой: по сути дела, перед нами не очерки, а всестороннее и систематическое руководство по истории первобытной культуры в самом широком смысле этого слова.

Рецензируемая книга содержит весьма значительный фактический материал. Свои положения автор, как правило, подкрепляет и иллюстрирует данными археологии и этнографии, причем последние, следует подчеркнуть, в подавляющем большинстве случаев используются методологически правильно.

Базируясь на учении классиков марксизма-ленинизма, автор последовательно показывает беспомощность буржуазной науки, разоблачает ее псевдонаучные измышления и реакционную политическую направленность. В этом, как и в разоблачении антимарксистских домьслов Н. Я. Марра в области первобытной истории, второе большое достоинство рецензируемой книги.

В соответствии со сдвигами, происшедшими в советской науке о первобытности, автор по-новому освещает некоторые узловые вопросы истории первобытного общества. Таковы членение палеолита на две, а не на три стадии, отказ от «биологической» трактовки происхождения экзогамии, принципиально важное уточнение представлений о сущности матриархата, в котором М. О. Косвен правильно, на наш взгляд, различает две стадии: ранний матриархат, характеризуемый равноправным положением жен-

щины и мужчины и являющийся универсально-историческим этапом в развитии человечества, и поздний матриархат, характеризующийся общественным преобладанием женщины и наступающий лишь при определенных конкретно-исторических условиях.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что книга М. О. Косвена хорошо написана. Язык ее весьма своеобразен, но вместе с тем чрезвычайно доступен и точен. В этом также немалое достоинство научно-популярной книги. Нет сомнений в том, что рецензируемая книга будет встречена читателем с заслуженным интересом и принесет ему большую пользу. Но книга не свободна и от недостатков, на которых мы преимущественно и сосредоточим свое внимание.

Основным, на наш взгляд, недостатком рецензируемой книги, недостатком, отражающим крупный пробел в развитии советскими этнографами науки о первобытности, является то обстоятельство, что автором не показано развитие производственных отношений в первобытном обществе, иными словами — развитие форм первобытно-общинной собственности.

Основу главных этапов первобытно-общинного строя составляют определенные экономические отношения, которым соответствуют определенные формы собственности. Без выяснения специфики этих отношений и форм нельзя объяснить самой сущности рассматриваемых этапов — матриархата и патриархата, объяснить основные причины их генезиса. Историки первобытности, конечно, правы, когда они ищут корни матриархата и патриархата в росте производительных сил и в характере разделения труда между полами. Но при этом нельзя игнорировать столь важный фактор, как характер производственных отношений, формы собственности. Сущность матриархата может быть понята до конца лишь в том случае, если учесть, что собственность на средства производства была родовой, а род при групповом браке не мог не быть материнским. Переход от матриархата к патриархату будет в полной мере понятен лишь в том случае, если учесть, что на этой стадии родовая собственность на землю разлагается и складывается отдельная собственность семей, превращающихся в основную экономическую ячейку общества.

Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» обращал внимание на эту сторону дела. Говоря о переходе к патриархату, Энгельс писал: «... Богатства, поскольку они однажды перешли в частное владение отдельных семей (разрядка моя — А. П.) и быстро у них умножались, нанесли сильный удар обществу, основанному на парном браке и на материнском роде»¹. Это ясное указание, как и общие указания классиков марксизма-ленинизма о роли форм собственности, все еще остается неразвитым.

Нам представляется, что автор старался опустить наиболее острые и сложные вопросы первобытной истории. Это обстоятельство бросается в глаза уже во введении. Редко, кто в нашей стране не знаком с классическим трудом Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства»; не только специалисты знают, что Моргановая периодизация истории первобытного общества была доработана и принята Энгельсом — «...до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения...»². Однако автор, предлагая новую периодизацию, ни словом не обмолвился о своем отношении к периодизации Морган — Энгельса, о ее достоинствах и недостатках, о причинах, побуждающих ее уточнить и изменить. Автор не отметил и того обстоятельства, что предлагаемая им периодизация (самый ранний период — матриархат — патриархат — военная демократия) все же не является общепринятой, что разработка советскими учеными периодизации первобытной истории еще не закончена, что истине, может быть, еще предстоит родиться в процессе дальнейших научных обсуждений. В книге не говорится о спорности определения патриархата как одного из основных этапов первобытно-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, ГИПЛ, 1950, стр. 55.

² Там же, стр. 20.

общинного строя, о проблеме кровнородственной семьи, о ряде других не решенных еще до сих пор проблем первобытной истории.

Нами уже отмечалось, что в рецензируемой книге освещены все стороны первобытной культуры. Поэтому особенно жаль, что автор полностью опустил нравственные представления первобытности. Только в конце книги, характеризуя распад первобытно-общинного строя, М. О. Косвен говорит о возникновении обычного права; весь предыдущий период, таким образом, оказывается лишенным одной из основных форм общественного сознания — системы нравственных представлений. В соответствии с этим и возникновение кровной, родовой мести неверно отнесено автором к самому концу первобытности (стр. 193).

Остановимся на некоторых вопросах, имеющих более частный характер.

В книге в отдельных случаях преувеличиваются культурные достижения первобытности. Так, например, на стр. 69 говорится, что «уже в первобытную эпоху в различных странах и различными племенами были выведены из местных диких видов почти все культурные растения, которыми питается и которые в иных направлениях использует современное человечество», и что эти культурные растения «в последующие времена человек смог дополнить в сущности весьма незначительным образом!» Подобные преувеличения, граничащие с идеализацией первобытной культуры, в работе нередки.

Несколько односторонне характеризуется сущность религии. «Религия есть незнание, есть бессилие человека. Чем больше развиты производительные силы, чем больше развит труд, чем больше развито знание, тем меньше остается места для человеческого бессилия, для религии» (стр. 142).

Все это верно, если добавить, что в классовом обществе религия поддерживается и используется эксплуататорскими классами для упрочения своего господства; иначе у не вполне подготовленного читателя создается представление, что с развитием труда и знаний, например, при капитализме, религия сама отмирает. Односторонне характеризуется и первобытное искусство, определяемое как «форма выражения связанных с трудовой деятельностью человека восприятий, чувствований, настроения и мысли» (стр. 152). Первобытное искусство — не только форма выражения, но и способ познания мира, передачи опыта, воспитания и тренировки; без этого выражение восприятий превратилось бы в самоцель. Следует отметить также, что автор допускает грубейшую ошибку, относя к формам идеологии язык и мышление (стр. 152).

Нельзя согласиться с автором в проводимом им противопоставлении земледельческой и скотоводческой культур. «Развитие и дифференциация этих отраслей приводит в конечном счете к их более или менее полному разделению. Отныне возникают два, на долгое время остающихся различными и в известной мере расходящимися, пути развития хозяйства и вместе с тем всей культуры, два исторических типа культуры — земледельческий и скотоводческий» (стр. 178). Та же мысль проводится на стр. 201. В действительности между культурами земледельцев и скотоводов, а равно их обществами, нет пропасти, нет «полного разделения». Историко-этнографическое изучение народов Средней Азии, Северной Африки, Аравии показывает, что оседлое и кочевое население всегда было теснейшим образом связано в хозяйственном, общественном и культурном отношении; общеизвестен факт не только непрерывного перехода кочевников к оседлости, но и встречного процесса номуадизации оседлого населения; общеизвестно, наконец, широкое распространение полуседлых-полукочевых культурно-хозяйственных форм. Именно эту тесную взаимосвязь кочевой и оседлой культур, а не их «полное разделение», следовало подчеркнуть автору.

Автор указывает, что в кочевых скотоводческих обществах распад первобытно-общинных отношений идет быстрее, чем в земледельческих (стр. 201), и в то же время, что классовый строй и государство раньше возникают у земледельческих народов (стр. 208). Это общее положение несомненно правильно, но, будучи внешне противоречивым, требует специального (и не легкого) объяснения, которого в книге нет.

Нельзя согласиться с автором также в том его утверждении, что в земледельческих обществах первой исторической формой частной собственности была собствен-

ность на землю (стр. 186); факты показывают, что в частную собственность раньше переходят орудия производства, тягловый скот, семенной фонд, рабы и только затем, как правило в последнюю очередь, земля. В связи с этим необходимо отметить произвольное толкование автором известного высказывания Маркса о земельной общине. Маркс, говоря о дуализме земельной общины, указывал, что внутри ее частной собственностью являются дом и его придаток — двор; общинной, периодически передаваемой собственностью — пахотная земля¹. Между тем автор видит этот дуализм в другом: «В то время как часть земли, а именно усадьба и пахотная земля, составляет частную собственность, земли, менее интенсивно эксплуатируемые, как сенокосы, выгоны, пастбища и разные угодья, остаются в коллективном владении и пользовании всей общины» (стр. 199). Очевидно, что двор и пахотная земля — не одно и то же.

В книге имеются отдельные промахи, недостатки, редакционные оплошности, особенно нежелательные в научно-популярном издании. Бронзовый век на юге Европы длился не до начала II тысячелетия, как говорится в книге (стр. 171), а по крайней мере до начала I тысячелетия. Говоря о том, что «возникновение человека — единственное и неповторимое событие в истории органического мира» (стр. 12), следовало указать, что речь идет только о Земле и только в ее историческом прошлом. Весьма сомнительно (если признавать, что антропогенез совершался на значительной территории Старого Света, а не в одной «точке»), чтобы «шелльский ударник в самом первоначальном своем виде был по-своему гениальным изобретением одного индивида» (стр. 22).

В книге немало небрежных формулировок. Вряд ли можно признать удачным такое выражение, как «значительная часть человечества самостоятельно так и не дошла до цивилизации и классового строя, оставшись в состоянии большей или меньшей отсталости» (стр. 3, то же на стр. 4); известно, что именно эту «несамостоятельность» обычно подчеркивают колонизаторы всех мастей. Неудачны выражения «дар мышления и речи» (стр. 24) или же «скачок из первобытности в цивилизацию» (применительно к обучению в колониальных школах — стр. 140). Вряд ли следует пользоваться в отношении коренного населения Африки термином «негры» не в антропологическом, а в этническом смысле (стр. 131, 174 и мн. др.) или же термином «тюркские народы» (вместо тюркоязычные — стр. 189).

К числу внешних, но весьма заметных в научно-популярной книге недостатков относится и полное отсутствие как иллюстративного материала, так и списка рекомендуемой читателю литературы.

Отмеченные недостатки и недочеты носят по преимуществу частный характер и могут быть без особого труда устранены в следующем издании книги. Нужно надеяться, что в последующем издании будут восполнены и те существенные проблемы, которые отмечены выше.

А. Першиц

М. С. БОДНАРСКИЙ, Античная география. Книга для чтения.
М., Географгиз, 1953, 368 стр., тираж 15000 экз., цена 13 р. 20 к.

«Античная география», составленная проф. М. С. Боднарским, представляет собой хрестоматию отрывков из произведений самых различных древнегреческих и латинских авторов, отобранных по принципу содержания в них географических описаний. В хрестоматию включены также и отрывки из географических работ в собственном смысле этого слова. Отрывки из произведений составитель дает с соблюдением хронологической последовательности, предпосылая им краткие, типа аннотаций, вводные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 680 (Черновики писем к Вере Засулич).